

СТАРАЯ
ДОБРАЯ...
Франция

ШАРЛЬ НЮДЬЕ

ФЕЯ
ХЛЕБНЫХ
КРОШЕК

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Н76

Charles Nodier
LA FÉE AUX MIETTES

Перевод с французского Веры Мильчиной, Анны Тетеревниковой, Руфи Зерновой
Серийное оформление и иллюстрация на обложке Екатерины Скворцовой
Оформление обложки Татьяны Гамзиной-Бахтий

Нодье Ш.

Н76 Фея Хлебных Крошек : новеллы / Шарль Нодье ; пер. с фр. В. Мильчиной, А. Тетеревниковой, Р. Зерновой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2025. — 512 с. — (Старая добрая...).

ISBN 978-5-389-27616-1

Сборник составили очаровательные литературные сказки Шарля Нодье, французского библиофила, публициста и писателя, известного своим вкладом в становление романтического стиля в классической французской литературе. В произведениях Нодье безудержная фантазия сочетается с социальной критикой, а сентиментальные рассуждения соседствуют с острыми, почти язвительными описаниями реалий начала XIX века. Причудливые персонажи напоминают о мире Эрнста Т. А. Гофмана, а сюжеты варьируются от мрачных историй о привидениях до шаловливых фантазмагорий. Богатый литературный язык, замечательно переданный прославленными переводчиками, делает новеллы Нодье восхитительным чтением, щедро сдобренным авторским обаянием и приправленным особым французским шармом.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

© В. А. Мильчина, перевод, 1996, 2013, 2015, 2025
© А. Н. Тетеревникова, наследники, перевод, 1959, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-27616-1

ФЕЯ ХЛЕБНЫХ
КРОШЕК

Предисловие

читателю, который читает предисловия

Объявляю вам, друг мой, — ибо, кто бы вы ни были, я даю вам это имя, а в моих устах оно, будьте уверены, звучит искреннее и бескорыстнее, чем в любых других, — объявляю вам, что для меня нет большей радости, чем читать, слушать или рассказывать самому фантастические истории, — не считая, конечно, радости, которую я чувствую, доставляя удовольствие вам.

Поэтому меня весьма опечалило открытие, сделанное мною уже давно, — заключается оно в том, что фантастическая история теряет большую часть своего очарования, если она, подобно фейерверку, на мгновение поражает ум слушателя, не оставляя, однако ж, ни малейшего следа в его сердце. Мне же казалось, что фантастическая история призвана воздействовать преимущественно на душу, и, поскольку идея эта приобрела надо мной такую власть, какой за всю мою жизнь не имела, пожалуй, никакая другая идея, она не могла не заставить меня совершить глупость, ибо, если я принимаюсь рассуждать, дело неминуемо кончается глупостями.

Та глупость, о которой я веду речь на сей раз, именуется «Фея Хлебных Крошек».

Теперь я должен объяснить вам, отчего я называю «Фею Хлебных Крошек» глупостью, и таким образом избавить вас от трех весьма неприятных обязанностей: обязанности самому объяснить это мне после того, как вы ее прочтете, обязанности искать причины вашего дурного настроения в газетной рецензии и, наконец, обязанности перелистать книгу, прежде чем, к моей и вашей чести, вы, не посягнув острым деревянным ножом на девственную чистоту ее полей, швырнете ее в кучу мусора, где уже валяется «Король Богемии»¹.

Заметьте, однако, что я советую вам вообще не начинать чтения — а это далеко не то же самое, что бросать его на середине: дойти даже до середины было бы излишней роскошью для всякого, кого злая судьбина не обрекла, подобно мне, на такое невыносимое занятие, как чтение версток, или на занятие еще более невыносимое — я разумею критический разбор романов!

Теперь читайте! и сжальтесь надо мной — просьба не совсем обычная для предисловия.

Я не раз говорил, что ненавижу правду в искусстве, и убежден, что этого убеждения мне не переменить; однако я никогда не судил так же сурово о правдоподобном и возможном, которые кажутся мне совершенно необходимыми для всех созданий ума человеческого. Я согласен удивляться; для меня нет ничего приятнее, чем удивляться, и я охотно верю даже тому, что ка-

¹ Автор имеет в виду свой роман «История короля Богемии и его семи замков» (1830). — *Здесь и далее примеч. ред.*

жется мне совершенно удивительным, но не хочу, чтобы кто-то смеялся над моей доверчивостью, ибо тогда в ход вступает мое тщеславие, а тщеславие, между нами говоря, — самый строгий из критиков. Ни на мгновение, клянусь Гомером, не случилось мне усомниться в ужасной реальности его Полифема, вечного прообраза всех людоедов; я охотно допускаю существование Эзопова волка-доктринера, который в те времена, когда животные обладали даром речи — каковой дар они утратили вместе с правом быть избранными, — превосходил, во всяком случае в дипломатическом простодушии, самых тонких из наших нынешних политиков. Г-н Дасье и добряк Лафонтен верили во все это так же свято, как и я, а относиться к историческим гипотезам с большей придирчивостью, нежели эти двое, у меня нет ровно никаких оснований. Но если мне рассказывают о событии сравнительно недавнем и если за блистательными теориями художника, поэта или философа я различаю насмешку, моему воображению тотчас представляется, что все, о чем мне рассказывают, есть плод воображения других людей, и, сам того не желая, я начинаю противиться обольщениям моего легковерия. С этой минуты радости моей приходит конец, и я становлюсь тем, кем, возможно, вы уже стали по отношению ко мне, — читателем недоверчивым, угрюмым и недоброжелательным; меж тем я убежден, что смысл чтения в том, чтобы доставлять читателям радость, а вовсе не в том, чтобы их учить или перевоспитывать. Судите сами.

Позвольте, друг мой, пояснить вам эту мысль на примере. Мне шел двадцать пятый год; я беззаботно коротал дни среди романов и бабочек, любви и поэзии в бедной и прекрасной деревушке Кентиньи, затерянной в горах Юра, — приюте, которого мне не следовало бы покидать; редкий вечер проводил я без того, чтобы не насладиться обществом местного патриарха, доброго и почтенного девяностолетнего старца, которого звали Жозеф Пуассон. Да хранит Господь эту прекрасную душу! С сыновним почтением пожав ему руку, я усаживался подле очага на ветхий сундук, стоявший напротив большого соломенного кресла; по обычаю этих краев я снимал деревянные башмаки и грел ноги у ясного огня, мерцавшего в камине, где среди сосновых дров потрескивала добрая охапка можжевельника. Я пересказывал хозяину дома события последнего месяца, о которых узнал из письма друга или от какого-нибудь ярмарочного торговца, а он в ответ сообщал мне в манере, притягательности которой я и не думал сопротивляться, последние известия с шабаша ведьм, которые всегда узнавал первым, хотя, разумеется, не был посвящен в преступные дела колдуний. Я до сих пор не знаю, по какой причине небеса наградили его столь удивительным даром, но он был в курсе мельчайших происшествий колдовского мира, и я от всей души заверяю вас, что мне ни разу не случалось сомневаться в точности его рассказов. Жозеф Пуассон верил в то, о чем говорил, и его вера становилась моей, ибо Жозеф Пуассон был неспособен лгать.

Сельские бдения у превосходного старца прославились в округе. Даже деревенские грамотеи не гнушались посещать его хижину. Мне довелось видеть там мэра с женой и девятью хорошенькими дочками, сборщика налогов, ветеринара — истинного философа — и местного викария, который был весьма достойным священником.

Довольно скоро все последовали примеру Жозефа Пуассона и принялись наперебой потчевать друг друга историями в избранном нами роде, так что через несколько недель среди гостей не осталось никого, кто не рассказал бы о каком-нибудь чудесном происшествии — от горестной судьбы владелицы соседнего замка, которая еще совсем недавно оборачивалась волчицей и пожирала детей дровосеков, до проделок самого крошечного домового, какой когда-либо показывал свою удаль ни в чем не повинным хозяевам дома; однако постепенно впечатления мои начали ослабевать или, точнее, изменили свою природу. Чем меньше верил в рассказываемую им историю сам рассказчик, тем меньше верили ему слушатели, так что в конце концов, насколько я помню, мы стали придавать фантастическим легендам и поверьям не больше значения, чем придал бы лично я какой-нибудь прекрасной нравоучительной повести г-на де Мармонталя.

Вывод — если он справедлив — напрашивается сам собой. Если ты хочешь заинтересовать людей фантастической историей, ты должен сделать так, чтобы они тебе поверили, а для этого ты непременно должен ве-

речь в нее сам. Выполни это условие — и ты сможешь смело идти вперед и говорить что угодно.

Отсюда я заключил — и эта мысль, хороша она или дурна, принадлежит мне и достойна того, чтобы я, за неимением патента на изобретение, объявил о своем праве собственности в предисловии, — итак, я заключил, что в эпоху безверия рассказчиком настоящей фантастической истории не может быть никто, кроме безумца, при условии, конечно, что он будет избран из числа безумцев изобретательных и призванных творить добро, но увлеченных каким-либо странным романом, хитросплетения которого поглотили все способности их воображения и ума. Мне захотелось, чтобы посредником между этим безумцем и публикой стал другой, менее удачливый безумец, человек чувствительный и печальный, который не лишен ни остроумия, ни гения, но, на собственном горьком опыте узнав, что такое суетность мира, постепенно проникся отвращением к жизни положительной и, утратив одни иллюзии, охотно утешается другими, рожденными воображением; человек, представляющий собою нечто среднее между мудрецом и умалишенным, превосходящий второго в способности мыслить, а первого — в способности чувствовать; существо бездеятельное и бесполезное, но поэтическое, могущественное и страстное во всех проявлениях мысли, не касающихся жизни общественной; избранник природы либо ее пасынок, живущий, подобно вам и мне, выдумками, прихотями, фантазиями и любовью в чистейших сферах духа и радуя-

щийся возможности сорвать на этих неведомых полях странные цветы, благоухания которых никогда не знала наша земля. Мне казалось, что присутствие этих двух рассказчиков сообщит фантастической истории необходимое правдоподобие... — правдоподобие фантастической истории.

Однако я заблуждался — о чем, друг мой, и сообщает вам газетная рецензия. Безумец интересен только своим несчастьем, да и то недолго. Шекспир, Ричардсон и Гёте отвели ему всего по одной сцене или главе, и были правы. Если история его длинна и дурно написана, она навевает почти такую же скуку, как и история человека разумного, которая, как вы знаете, является самой скучной вещью в мире, и, если бы мне пришлось вновь взяться за фантастическую историю, я написал бы ее иначе. Я адресовал бы ее только людям, наделенным бесценной способностью верить, почтенным крестьянам из моей деревни, милым и послушным детям, не вкусившим от щедрот взаимного обучения, и поэтам с умом и сердцем — тем поэтам, что не входят в число членов Французской академии.

Впрочем, есть одна вещь, о которой газетная рецензия вам не расскажет: дело в том, что я не стал бы писать эту книгу, если бы видел в ней только волшебную сказку; по привычке, присущей нашему брату-сочинителю, я постепенно расширил свой первоначальный замысел и обратился к возвышенным тайнам психологии, в которые можно проникнуть без труда, если, конечно, подобрать к ним ключ. Я постарался

рассказать — в надежде, что рассказ мой, несмотря на отсутствие объяснений, заинтересует и физиологов, и философов, — о влиянии, какое оказывают сновидения на жизнь одинокого человека, а также о некоторых мономаниях, кажущихся нам весьма необычными, но, однако ж, не представляющих никакой загадки для высших сфер (я не имею в виду ни Академию наук, ни Медицинскую академию).

Газетная рецензия расскажет о другом — о том, что стиль «Фей Хлебных Крошек» весьма зауряден; я же со своей стороны добавлю, что хотел бы сделать его еще зауряднее, и непременно так бы и поступил, если бы раньше догадался о достоинствах простоты и о чарах естественности и если бы меня учили лучше и не показывали бы мне иных образцов чувствительности и правдивости, кроме «Исторического катехизиса» г-на Флери и «Сказок» г-на Галлана; впрочем, если бы писать мог лишь тот, кто достиг подобного уровня совершенства, писательство сделалось бы, как прежде, искусством возвышенным, а типографщики остались бы без работы.

Но газетная рецензия не расскажет о том, что я избрал эту манеру нарочно, желая хоть на несколько месяцев опередить неизбежное наступление эпохи, когда в литературе самой большой редкостью станет все заурядное, самой великой неожиданностью — все простое, а самой свежей новостью — все старинное.

А вот о чем газетная рецензия расскажет: о том, что «Фей Хлебных Крошек» напоминает по содер-

жанию, а в некотором отношении и по форме восхитительную болтовню, подражание которой обрекает автора на вечные насмешки и о которой я думал, сочиняя свою повесть, в тысячу раз меньше, чем о «Рике с хохолком» или о «Спящей красавице»; однако, если бы после четырех или пяти тысяч лет существования письменной литературы кому-либо взбрела в голову странная мысль предписать автору быть ни на кого не похожим, авторы в конце концов стали бы походить только на тех из своих предшественников, кто писал хуже других, а тому, кого глупая страсть или досадная необходимость заставляют писать постоянно, нетрудно попасть в эту крайность и без подобных предписаний.

Если же вас все-таки тревожит вопрос о том, насколько оригинально мое детище, я избавлю вас, мой добродушный друг, от этих страхов, чистосердечно признавшись вам, что источник рассказанной мною истории где-нибудь непременно существует. Вы спросите меня о «Фее Уржеле» — что же, я назову вам, если потребуется, и ее источник, а также источник того фавлио, которым воспользовался ее автор, и так дойду до царя Соломона, признававшего в мудрости своей, что под солнцем не бывает ничего нового.

А ведь Соломон жил за много веков до того, как люди начали сочинять романы, и был совершенно не создан для подобного занятия: возможно, именно по этой причине его и прозвали МУДРЫМ.

Глава первая,

являющаяся чем-то вроде введения

— **Н**ет! клянусь честью, — воскликнул я, отшвырнув на двадцать шагов злополучный том...

А ведь то был Тит Ливий в издании Эльзевиров и в переплете Падлу.

— Нет! я не стану больше растрачивать ум и память на этот отвратительный вздор!.. Нет, — продолжал я, для пущей твердости уперевшись домашними туфлями в каминную решетку, — никто не сможет сказать, что разумный человек, перед которым открывались дали фантазии и чувства, состарился, читая рассказы этого падуанского вестовщика, этого легковерного и болтливого обманщика!..

О фантазия!.. — продолжал я страстно. — Мать радостных выдумок, духов и фей! ты, обольщающая нас блестящими вымыслами; ты, ступающая легкой ногой на зубцы старых крепостных стен; ты, в окружении иллюзий устремляющаяся при свете луны в бескрайние дали неизведанного; ты, походя дарующая столько сладостных грез деревенским жителям, бодрствующим долгими вечерами, и посылающая прелестные видения к изголовью невинных юных дев!..

Тут я остановился, ибо монолог мой грозил затянуться.

— Положительная история! — воскликнул я серьезным тоном. — Выражение, выдающее слепоту и пристрастность, роман, освященный победившей партией, классический вымысел, сделавшийся всем настолько безразличен, что никто не берет на себя труд его опровергнуть!..

Кто убедит меня сегодня, что в Мезере — возьмем для примера хотя бы его — больше правды, чем в простодушных вымыслах добряка Перро, а «Византийская история» достовернее «Тысячи и одной ночи»?

Хотел бы я знать, — добавил я, положив ногу на ногу, дабы заявить мой сакраментальный протест по всей форме, — хотел бы я знать, есть ли на свете что-либо более вероятное, чем перелет Святого Дома в Лорретто или приключения «воздушного путешественника»!.. А если большинство людей свято верят в то, что Валаамова ослица и Магометов голубь разговаривали, какие основания имеете вы, господа, сомневаться в ораторских талантах «Кота в сапогах»?..

Ведь летописец подвигов Кота в сапогах был, по всеобщему признанию, человек почтенный, набожный, честный, пользовавшийся всеобщим уважением. Предания, на которые он опирался, ни разу не подверглись сомнению в тот недоверчивый век, когда он жил; суровый Фрере и скептический Буланже, наперебой нападавшие на все, что было свято для других людей, пощадили его в самых дерзких своих диатрибах; даже де-

ти, не умеющие читать, то и дело рассказывают друг другу о коте из благородной семьи, который носил сапоги, как жандарм, и разглагольствовал, как адвокат; если же древний род маркиза де Карабаса не значится в наших родословных книгах — в чем я, впрочем, не убежден, — это отнюдь не свидетельствует о том, что его никогда не существовало: ведь вымирание славных семейств в эпохи войн и революций — вещь самая обычная...

Да будут прокляты история и историки!.. призываю фею Урганду в свидетели, что я нахожу в тысячу раз более правдоподобными иллюзии лунатиков!..

— Лунатиков! — перебил меня Даниэль Камерон, о котором я совершенно забыл, а он меж тем с видом терпеливым и почтительным стоял за моим креслом, ожидая момента, когда можно будет подать мне редингот. — Лунатиков, сударь? Для них есть в Глазго превосходная лечебница.

— Я слышал об этом, — обернулся я к своему камердинеру-шотландцу. — И что они за люди?

— Не смею ничего утверждать, сударь, — отвечал Даниэль, потупившись со смущением, в котором, однако, можно было различить некое тайное лукавство. — Думается мне, что лунатики — это люди, которые так мало смыслят в наших земных делах, как если бы они свалились с луны, и, напротив, все время толкуют о таких вещах, какие не могли произойти нигде, кроме луны.

— Мысль твоя, Даниэль, тонкая и даже глубокая. В самом деле, природа, методически умножая бесчисленные разновидности своих созданий, никогда не оставляет пустот. Так, цепкий лишайник, растущий на скале, есть связующее звено между минералом и растением; полип с его ветвистыми вегетативными «руками», размножающийся почкованием, есть связующее звено между растением и животным; обезьяны-орангутаны, которые могли бы стать восприимчивы к воспитанию, а где-то, возможно, уже являются таковыми, суть связующее звено между четвероногими и человеком. На человеке прекращается наша классификация созданий природы, но отнюдь не действие принципа, созидающего живые существа и миры. Итак, не только возможно, но даже очевидно... больше того, я не побоюсь сказать, что, если бы дело обстояло иначе, всей мировой гармонии пришел бы конец! — несомненно, что лестница живых существ непрерывна во всем нашем вихре снизу доверху, а равно и во всех других вихрях, вплоть до тех непостижимых пределов пространства, где пребывает существо без начала и конца, являющееся неисчерпаемым источником всех жизней и беспрестанно призывающее их к себе.

А поскольку микрокосм, или малый мир, есть уменьшенный видимый образ макрокосма, или большого мира, о котором мы не можем судить из-за его огромности, эта идея станет тебе более понятной, если она тебе вообще понятна, после того как я прибегну к сравнению; ибо Господь или та неведомая сила, что занима-

ет место этой глубокой и неуловимой абстракции... — я прошу тебя следить за моей мыслью как можно более внимательно! — Господь, говорю я, благоволил запечатлеть так, чтобы он был внятн нашим чувствам, несовершенный образ этого бесконечного цикла производства, поглощения, очищения и воспроизводства, который берет в Нем, Господе, свое начало и вечно возвращается к Нему же, — и запечатлел его в Океане, который впитывает воды бесчисленных рек, очищает их и вновь дает жизнь рекам, из него вытекающим, — впрочем, сходство это так очевидно, что я не считаю себя обязанным останавливаться на нем более подробно.

— Но при чем тут лунатики, сударь? — осведомился Даниэль, аккуратно опуская мой редингот на спинку стула...

— Дойдем и до них, Даниэль. Лунатики, о которых ты толкуешь, занимают, по моему убеждению, самую высокую ступень лестницы, отделяющей нашу планету от ее спутника, а поскольку, в силу занимаемого ими положения, они неизбежно сообщаются с миром, нам неизвестным, нет ничего удивительного в том, что мы их не понимаем, делать же из этого вывод, будто их идеи лишены смысла и ясности, абсурдно, ибо идеи эти принадлежат сфере ощущений и рассуждений, решительно чуждой нашему воспитанию и нашим привычкам. Случалось ли тебе, Даниэль, видеть диких эскимосов?

— На корабле капитана Парри их было двое.

— Говорил ты с ними?

— Как же мог я с ними говорить, если я не знаю их языка?

— А если бы ты внезапно начал понимать все языки — по наитию, как Адам, или по воле Духа Святого, как апостолы, или по причине какого-либо иного морального феномена, как член Академии надписей и изящной словесности, что бы ты сказал этим эскимосам?

— Что бы я мог им сказать, если между мною и эскимосами нет ничего общего?

— Отлично сказано. Мне осталось задать тебе самый последний вопрос. Веришь ли ты, что эти эскимосы способны мыслить и рассуждать?

— Я верю в это так же свято, как в то, что вот это — щетка для платья, а вот это — ваш редингот, который я только что повесил на спинку стула.

— В таком случае, — вскричал я, хлопнув в ладоши, — если ты веришь в то, что эскимосы мыслят и рассуждают, хотя ты их и не понимаешь, что ты мне скажешь о лунатиках?

— Я скажу, — отвечал Даниэль, не дрогнув, — что лечебница для лунатиков в Глазго — без сомнения, наилучшая в Шотландии, а следовательно, и во всем мире.

Не знаю, случалось ли вам, читатель, испытывать когда-либо разочарование более жестокое, чем то, какое испытал мой друг бакалавр Бормоталло де лас Бормоталлас, который ночь напролет под проливным дождем

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

ШАРЛЬ НОДЬЕ

ФЕЯ ХЛЕБНЫХ КРОШЕК

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Светлана Лисина
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Людмила Виноградова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 25.12.2024.
Формат издания 76 × 108 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 24,32. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филiaal ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12-14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12-14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басылғанын растайтын белгі.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

R-GLD-36623-01-R